

РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ПЕРЕД ЛИЦОМ ЦИФРОВОГО КАПИТАЛИЗМА

Статья предлагает рассмотрение российского цивилизационного проекта с позиции сопоставления национальных особенностей развития России и глобальной экспансии цифрового капитализма. Автор помещает российский цивилизационный проект в контекст процессов, которые неизбежно окажут — и уже оказывают — влияние на современное российское общество и экономику. Цифровой капитализм является столь же актуальным феноменом для России, как и для любой другой современной страны. Глобальный контекст и модернизация неразрывно связаны. Но, говоря о модернизации, пусть и в самом общем ключе, нельзя исключать национальные особенности ее проведения, которые многое говорят о самой стране и ее культуре. В контексте российского цивилизационного проекта главным из таких вопросов станет понимание того, почему — в отличие от остальных модернизационных волн — цифровой капитализм так быстро встроился в пространство российской экономической жизни и русской культуры. Что именно в нашей культуре создало столь плодотворную почву для феномена? Вероятно, отсутствие сформировавшихся капиталистических институтов сыграло свою роль в деле внедрения цифровых практик. Но, как и в каждой культуре, в русской также есть нечто особенное, что ускоряет интеграцию общества в реальность цифрового капитализма.

Ключевые слова: социальная философия, социальная теория, Россия, капитализм, цифровой капитализм, российский цивилизационный проект, модернизация, культура.

1. Введение. Социально-философская рефлексия над развитием национальной культуры или проектами цивилизационного развития всегда должна учитывать то общее положение вещей в мире, которое окружает отдельное государство. Если мы обратимся к мыслителям прошлого, то вслед за Шарлем Луи де Монтескьё [1], они часто сравнивали свою страну и культуру с другими государствами. Искали ли они вдохновения для позитивных изменений, или, наоборот, причины возненавидеть окружающих их порядок, мы, читая их работы сегодня, видим, что это было полезное упражнение. Вероятно, в терминах современного социально-гуманитарного знания следует обозначить это как компаративистский подход. Он достаточно распространён и сегодня. Оправданность обращения к опыту стран, оказавшихся в сходных условиях, может подарить надежду на поиск успешных решений.

В нашем рассмотрении мы попробуем предложить вариацию этого методологического подхода для всесторонней оценки перспектив российского цивилизационного проекта в XXI веке. Необходимо признать, что глобализационные процессы весьма близки к завершению в своём экономическом воплощении. Несмотря на усилия теоретиков и представителей культурного авангарда, которые всегда критиковали глобализацию и пытались найти альтернативу, на сегодняшний день культурная сфера стала настолько глобализованной, что всякая критика глобализации становится частью самой глоба-

лизованной культуры [2]. Нас, впрочем, на данный момент больше интересуют причины, породившие культурную унификацию.

Вероятнее всего, столь скорому завершению процессов глобализации особенно послужил цифровой капитализм. Глобализация, конечно, не окончена в своём культурном и материально-техническом воплощении: на дорогах России всё ещё много грузовиков КамАЗ, которые не встретишь на шоссе в США. Но в своём принципе цифровизации капиталистической логики, похоже, мы подошли к наиболее эффективному, глобальному способу производства и воспроизводства капитала. Исторически капитализм был двигателем глобализационных процессов [3, р. 506], не удивительно, что интенсификация и пик глобализационной логики связаны с сущностной трансформацией современного капитализма.

Российский цивилизационный проект можно рассматривать с нескольких ракурсов. Если говорить об имеющем отношение к нашему исследованию компаративистском подходе, то сравнение можно производить как с другими странами [4], так и с самой страной в прошлом, анализировать ошибки и неудавшиеся проекты. Ещё одним интересным подходом является попытка дешифровать саму логику культур(ы) [5, с. 26–30]. Мы же попытаемся поместить российский цивилизационный проект в контекст процессов, которые неизбежно окажут — и уже оказывают — влияние на современ-

ное российской общество и экономику. Речь идёт о цифровом капитализме, который является столь же актуальным феноменом для России, как и для любой другой страны, избравшей эту экономическую модель. Впрочем, говорить о свободном выборе не приходится. Экономическая эффективность цифровых технологий диктует свою логику. Мы попытаемся показать, какие особенности сопутствуют внедрению цифровых практик в российском обществе, насколько цифровой капитализм может быть воспринят русской культурой и, в конечном итоге, что говорит практическое воплощение нового вида капитализма о российском цивилизационном проекте.

2. Цифровой капитализм и глобальный контекст. Для того, чтобы понимать, как именно любой цивилизационный проект и, в частности, российский вариант взаимодействия с цифровым капитализмом, нужно чётко определить последний. На сегодняшний день эта задача решена не в достаточном объёме, что часто приводит к путанице. В сообществе социальных теоретиков и даже экономистов есть общее понимание того, что капитализм изменился. Но качественных стратегий его определения слишком много, чтобы было легко остановиться на какой-то одной из них. В нашем рассмотрении мы полагаем, что «цифровой капитализм» может служить не только авторской концепцией (в сущности, он таковым и не является), но и выступать в качестве зонтичного термина, охватывая различные теоретические подходы к описанию новых феноменов.

Теорий современного капитализма действительно очень много. Ещё в 70-х годах XX века удовлетворительным считался темпоральный подход к измерению стадии актуального капитализма. Бельгийский экономист Эрнст Мандель, определивший современный ему капитализм как «поздний» [6, 7], положил начало целой традиции мышления о капитализме в социальной теории. Среди его отличительных признаков назывались транснациональность, доминирование финансового сектора, автоматизация и включение культурной логики в функционирование капиталистических систем. Наиболее знаменитой социально-философской экспликацией экономической аналитики Манделя стал подход Фредрика Джеймисона, который через идеи бельгийского теоретика перешёл к определению эпохи постмодернизма. «Поздний капитализм» Эрнста Манделя и постмодернизм хронологически совпадают и охватывают промежуток от 50-х годов XX века до самого начала XXI века. Следуя периодизации Манделя, Джеймисон так пишет о стадиях развития капитализма: «Это рыночный капитализм, монополярная стадия или стадия империализма и наша собственная стадия, неверно называемая постиндустриальной, поскольку лучше было бы назвать её стадией мультинационального капитала» [8, с. 140].

Этой периодизации было бы достаточно и для наших нужд, если бы не одно обстоятельство: похоже, постмодернизм мёртв. Социальный философ Александр Павлов так пишет о судьбе феномена: «С постмодернизмом вопрос остаётся открытым. Он даже не просто изменился, а то ли умер, то ли закончился, то ли "растворился в воздухе" (ведь мы знаем, что "всё прочное растворяется в воздухе", как это заметили Маркс и Энгельс и не раз повторяли их последователи), то ли мутировал, то ли превратился в призрак» [9, с. 7]. В сфере культуры,

всё так же подчинённой капиталистической логике, появились новые теории. Они лучше схватывают современную эпоху. То же самое произошло и в социальной теории, стремящейся постичь современный капитализм. К слову, самое начало дискуссий о цифровом капитализме пришлось на рубеж XX и XXI веков, когда постмодернизм уже перестал быть доминирующей теоретической установкой в философии культуры. Важная для трансформации дискуссии о капитализме книга Дэниэла Шиллера «Цифровой капитализм» появилась как раз в 1999-м году [10].

Далее попытки объяснить трансформации капитализма, инициированные цифровизацией экономики, стали только множиться. Не вдаваясь в детали, перечислим наиболее заметные из них, для того чтобы обрисовать общее проблемное поле: «гибкий капитализм» (Дэвид Харви), «когнитивный капитализм» (Андре Горц), «природный капитализм» (Наоми Кляйн), «цифровой капитализм» (Джуди Вайсман и др.), «посткапитализм» (Пол Мейсон), «коммуникативный капитализм» (Джоди Дин), «капитализм платформ» (Ник Срничек), «надзорный капитализм» (Шошана Зубофф). Список можно было бы продолжать ещё долго, но это увело бы нас в сторону от нашего основного рассмотрения.

Для того чтобы не потеряться в дебрях разных концепций цифрового капитализма, которые — каждая по-своему — схватывают что-то важное в современной социально-экономической реальности, примем в качестве отправной точки концепцию «платформенного капитализма» или «капитализма платформ» Ника Срничека, наиболее исследованную в российском академическом пространстве. Краткое резюме, проливающее свет не только на авторскую концепцию канадского философа, но и на суть цифрового капитализма, могло бы выглядеть так: «Основной тезис <...> в том, что нам, современным социальным субъектам, необходимо расширить возможности нашего воображения посредством новых технологий, чтобы понять и описать неолиберальную экономику» [11, с. 280].

Таким образом, цифровой капитализм и его теории — это сращение культурной логики позднего капитализма, не имеющего сильных конкурентов неолиберального экономического подхода и цифровизации. В конечном итоге такой капитализм оказывается невероятно эффективным с точки зрения производства/воспроизводства благ. Он устойчив ровно настолько же, насколько устойчивы сетевые технологии, обеспечивающие его коммуникационную систему, по которой течёт информация, ставшая новым товаром. В 2000-м году американский учёный Эндрю Вайс в рецензии на книгу Дэниэла Шиллера писал, что «... быстрое развитие интернета привело к слишком бурному развитию спекуляция вокруг потенциала новой технологии и её способностей революционизировать бизнес и радикально открыть доступ к информации» [12, р. 224]. Спустя 20 лет мы можем сказать, что методологически оправданный академический критицизм в отношении нового в этом случае оказался наивным.

Цифровизация перевернула мир и структуры производства: «Цифровая экономика становится моделью гегемонии: города должны стать "умными", бизнес — прорывным, рабочие — гибкими, а правительства — бережливыми и "интеллектуальными"» [13, с. 11]. Сама идея цифровизации стала частью современной культуры. «Цифровое» и «эффективное» — теперь синонимы. В этом контексте

совершенно неудивительно, что большинство стран мира стремятся провести цифровизацию своей экономики всеми возможными средствами. Безусловно, в увлечении цифровизацией присутствует роль утопического мышления. После того как социалистический блок стран проиграл в борьбе за образы будущего [14, с. 280], у мира практически не осталось пространства для радикальной мысли и фантазии. Мы имеем в виду то, что мышление о будущем присуще социальному мышлению вообще. Красивый и благополучный образ грядущего мира, к которому хочется стремиться, обеспечивает в том числе и стабильность наличной модели социального устройства. В противном случае кризис утопического мышления поставил бы под сомнение саму культуру и капитализм.

Именно на цифровой капитализм оказалась возложена миссия по «решению всех проблем». Это предельная логика капитализма: если ещё и остались проблемы, то они существуют только потому, что мы ещё не придумали, как увеличить производительность, чтобы их решить. Цифровой капитализм обещает обществу решение большинства проблем: безработицы, неравного доступа к культурному потреблению, в конце концов свободы от физического мира, который слишком инертен для современного социального субъекта. Пожалуй, рассматривая этот феномен более серьёзно — а эта необходимость обязательно настанет — следовало бы обратить внимание на оправданность таких надежд. Левые критики в своём анализе демонстрируют, что современный цифровой «... капитализм может превратиться в нечто худшее, в неофеодализм новых сенсоров и крепостных, микроэлиты *платформенных* [Курсив мой. — Н. А.] миллиардеров и гигантского сектора услуг или сектора прислуги» [15, с. 87]. Как бы то ни было, оставим до поры эти мысли в стороне.

В этом параграфе мы наметили очертания дискуссии о цифровом капитализме, которая является центральным сюжетом актуальных глобализационных процессов, в которые вписана и Россия. Значительная часть финансовой и государственной элиты страны с вниманием и интересом следит за перспективами цифрового капитализма и, видя его эффективность, стремится внедрить его в стране. То, что можно было бы назвать «идеологией цифрового капитализма», буквально носится в воздухе. Капиталистический уклад и предпринимательство сами охотно обращаются к цифровизации, стремясь повысить свою конкурентоспособность на рынке. Иначе и не может быть. Глобальный контекст и модернизация неразрывно связаны. Но, говоря о модернизации, пусть и в самом общем ключе, нельзя исключать национальные особенности её проведения, которые многое говорят о самой стране и её культуре.

3. Цифровой капитализм и российский цивилизационный проект. Парадоксальным образом дискуссии о цифровом капитализме в российском контексте фактически не ведутся. В начале нашего изложения мы классифицировали стратегии компаративистского подхода к определению проблематики национальной философии истории. Пожалуй, в отечественной социально-философской мысли доминирует представление о безусловной и очевидной опасности трансформации глобального мира в сторону технизации и автоматизации, сопровождающих цифровой капитализм: «В последние годы все более четко проявляется осознание огра-

ничений техногенной цивилизации, ориентированной на унификацию локальных цивилизаций, свертывание многоцивилизационного мира. Суть этих ограничений сводится к тому, что она вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности» [16, с. 33]. В этой установке, безусловно, много оправданного и разумного.

Однако мы считаем, что последние несколько веков истории развития капитализма демонстрируют по меньшей мере необходимость принимать его всерьёз в качестве неизбежного условия всякого развития. Если отважиться на прогноз, то российской цивилизации не удастся перебороть общий вектор мировой модернизации в сторону цифрового капитализма. В пользу этого свидетельствует не только общемировой контекст, но и ориентация внутри российского общества. В одном из крупнейших социологических исследований последних двух десятилетий, посвящённом ценностным установкам российских граждан, представлен такой тезис: «... несмотря на все своеобразие нашей страны, в целом процессы в сегодняшней России подчиняются общим закономерностям, характерным для стран сходного с ней уровня экономического и политического развития» [17]. Спустя 10 лет после получения этих опросных данных мы не видим коренного перелома динамики.

А что же культура? Этот вопрос справедливо волнует каждого, кого с исследовательских позиций беспокоит судьба российского цивилизационного проекта. Социальный философ Валентина Федотова пишет о том, что в науках часто происходят «повороты». Это естественная динамика развития дисциплин научного знания, имеющая отношение и к философии. В случае с социальными науками и социальной философией, с позиции которых мы стремимся подойти к работе с российским цивилизационным проектом, последние десятилетия мы находимся под воздействием эффектов «культурного поворота» 80-х и 90-х гг.: «Существует многообразие культурных поворотов, среди которых есть и повороты к новым культурным поворотам. Попытка поворота состоит в поисках нового ракурса деятельности. Общий культурный поворот — это поворот к культурной сложности» [18, с. 33]. Философское указание на динамику развития социального знания предостерегает нас от совершения ошибки: существующее положение дел не вечно, и парадигмальный маятник необходимо качнётся в другую сторону.

В конце концов работа с социальным всегда обращается к анализу капитализма. В силу своего генезиса социальная теория и социальная философия ищут объективные основания, за которые можно было бы зацепиться при работе с аналитикой общественной структуры. Сравнивая установку социальной философии с видением «лисы», Александр Павлов пишет: «“Лиса” смотрит на самые разные феномены общественной жизни, но при этом должна делать это с совершенно разных позиций, предлагая не то чтобы комплексный подход к объекту изучения, но всякий раз пытаясь найти что-то новое. Иными словами, понимание капитализма Максом Вебером, Вернером Зомбартом или Фредриком Джеймисоном может дать нам какое-то знание, но окажется ли оно полным для проникновения в суть явления, особенно если учитывать, что капитализм постоянно меняется?» [19, с. 151]. Добавим также, что современный капитализм взаимодействует с культурной логикой. Он не перестаёт быть

от этого «капиталистическим», но сами по себе особенности заслуживают того, чтобы стать предметом анализа социального теоретика.

Даже если нам не удалось убедить всех в необходимости работы с проблематикой цивилизационного проекта с позиций обращения к современному капитализму, находящемуся на цифровой стадии развития, то выразим надежду, что по меньшей мере этот подход методологически обоснован. Мы полагаем, что обращение к цифровому капитализму и его воплощениям в контексте российского цивилизационного проекта не противоречит культур-центристскому подходу в социальных дисциплинах, а только может обогатить социальное знание. Пожалуй, единственным действительно случаем, в котором обращение к поздней глобализации и цифровому капитализму стало бы бессмысленным, стало бы историографическое описание исторических культурных констант российского цивилизационного проекта. Но это, в сущности, совершенно другая исследовательская постановка вопроса. Она столь же необходима, как и все остальные, но не отменяет возможностей реализации других исследовательских подходов.

Недостаточно просто сказать, что российский цивилизационный проект связан с цифровым капитализмом. Для того, чтобы соединить эти два предмета, необходимо промежуточное звено. С одной стороны, оно должно отвечать требованию интеллектуальной проработанности в отечественной и зарубежной науке. С другой стороны, оно должно быть релевантным нашему актуальному анализу. В противном случае, если любой из этих аспектов будет упущен, исследование будет обречено на мыслительное упражнение, не преследующее никакой научной цели. Наиболее вероятным претендентом на соединение аспектов российского цивилизационного проекта и глобального цифрового капитализма будет теория модернизации. Вероятно, мало какая другая тема столь проработана в литературе и насчитывают столь давнюю исследовательскую и собственную историю: «Модернизация имеет пятисотлетнюю историю» [20, с. 139].

Процессы модернизации как в самой Европе в форме перехода от феодализма к *модернити*, или современности связаны с капитализмом: «Модернити есть представление о себе Европы, считающей себя дистанцированной от феодализма... (процесс, который включил в себя образование свободного капитала и формирование личности в качестве автономных и развитых индивидов, уважающих друг друга)» [17, с. 146]. То, как вообще осуществлялся переход к капитализму в западных странах и, в частности, в России, представляет колоссальную исследовательскую проблему [например, см.: 21–24]. Конкурентность мирового рынка, которая отнюдь не ограничивается экономической сферой, слишком велика, чтобы списывать проекты модернизации со счетов. История России и история российской общественной мысли пронизаны этим сюжетом поиска оснований для сходов с Западной Европой без утраты собственной культурной идентичности и национального своеобразия [25, с. 13, 149].

Предположим, что и следующие поколения будут заняты поиском рецептов успешной модернизации. Учитывая общую экономическую неразвитость страны, это очевидно. Исторически, поиски модернизационного вдохновения опирались на лучшее, что можно было бы позаимствовать или интерпре-

тировать в национальном контексте. Несложно догадаться, что цифровизация всех сфер общественной жизни и экономики, как основополагающий тренд и идеологическая установка современности, станут целью актуальной и будущей модернизации: нет смысла применять то, что уже устарело. «Цифровой капитализм» должен быть рассмотрен как неизбежная стадия развития российского цивилизационного проекта.

Пожалуй, самым интересным свойством цифрового капитализма будет его инвариантность национальным культурам. Исторически мы сталкивались с тем, что национальные модели капиталистических модернизаций трансформировались с учётом особенностей менталитета, религиозной веры [26, с. 58], климата, государственного управления и т.п. Техническая и компьютерная логики, лежащие в его основе, менее подвержены редукции к западно-европейским культурным практикам Возрождения и Нового времени, которым атрибутируется старт начала модернизации на самом Западе [20, с. 144]. Азиатские страны, которым, несмотря на их культурные особенности, удалось экономический рост в значительной степени вне западных моделей построения капитализма, также оказались в авангарде цифровизации и внедрения практик цифрового капитализма. Похоже, что Россия также успешно продвигается в этом направлении. И, учитывая вышесказанное, необходимо указать на особые культурные предпосылки, а затем и следствия этого продвижения в контексте российского цивилизационного проекта.

4. Цифровой капитализм и русская культура.

Наше предыдущее рассмотрение имело целью показать отсутствие фундаментального противоречия между связью социально-философского размышления о феномене цифрового капитализма и поздней глобализации с российским цивилизационным проектом. Более того, совершив эту мыслительную операцию, мы можем перейти к более конкретным выводам и предположениям в отношении российского цивилизационного проекта. К тому же главным предметом нашего анализа становится национальная культура. Если нечто и обесценивает своеобразие форм реализации любого из видов капитализма в разных странах, то это культура [27, р. 274]. Цифровой капитализм является частным случаем этого общего правила.

Соответственно, мы должны задаться рядом вопросов о русской культуре и её способности, предрасположенности, а, возможно, и абсолютной враждебности феномену цифрового капитализма. Если обратиться к исследовательской литературе по вопросу капиталистической модернизации России прошлого, то обнаружится некоторый консенсус, сообщающий о культурных преградах для успешного развития капитализма. Исследователь национальных особенностей российской модернизации Григорий Канарш, говоря о трудностях развития отечественного капитализма, пишет: «Там где требуется постоянный и неустанный труд как основа благосостояния (именно регулярным напряжённым трудом держатся экономики Запада и Востока), есть некоторая инертность и непрактичность, растворённая в массе населения, во всяком случае, менее выраженная, чем на Западе и на Востоке готовность столь же напряжённо и регулярно трудиться» [28, с. 8]. Вероятно, эти рассуждения знакомы многим. Также, как и частое их атрибутирование исторической динамике развития российской культуры.

Опираясь на эти рассуждения, можно было бы предположить, что цифровая модернизация российской культуры и капитализма натолкнётся на схожие препятствия. Но наша гипотеза противоположна. Похоже, что новая форма капитализма нашла в России возможности для роста и развития либо равные со многими другими развитыми странами, либо даже их превосходящие. Рассмотрим этот вопрос на ряде характерных примеров. Традиционная модель капитализма (для наших целей в рамках этого размышления обозначим её как «офлайн-капитализм») предполагает наличие административной и личной свободы, предпринимательского духа и потребительского рынка. Культура труда и уверенности в справедливом вознаграждении за него также играет значительную роль. Но цифровой капитализм работает совершенно не так.

Указанные константы гораздо менее важны для цифрового капитализма, чем для офлайн-капитализма. К примеру, административная и личная свобода, понятые как возможность проявлять инициативу и заниматься производительным трудом, лишь опосредованно влияют на успех практик цифровизации. Дело в том, что в цифровой сфере услуг и потребления на первую роль выходит именно производство. Поясним, что это значит. Сами по себе цифровые технологии, которые не требуют массового производства внутри страны, предоставляют возможность воспроизводства культурных благ при минимальных на то затратах. Самих производителей при этом остаётся не так уж и много: побеждает тот, кто обладает минимальным конкурентным преимуществом. Остальные остаются практически ни с чем. На практике это означает, что главной ценностью является сопутствующая информация, производимая пользователями: «Онлайн активность — это и развлечение, и работа одновременно» [29, р. 273]. Она выступает как рекламная продукция, благодаря которой люди узнают о том, кто победил в конкурентном соревновании. В концептуальном аппарате медиа-теории наиболее распространёнными понятиями для описания этих процессов являются термины «трансмедийное повествование» и «партиципаторная культура», предложенные американским теоретиком культуры и исследователем современной популярной культуры Генри Дженкинсом [30].

Выходит, что традиционные для развития капитализма в России ограничения оказываются не столь применимы к цифровому капитализму. Его культурная адаптивность сглаживает всю специфику. В действительности, форма его реализации близится если и не к нейтральной, то по меньшей мере совершенно незаметной. Административные и институциональные барьеры также не играют значимой роли в этих процессах. Та фантастическая скорость развития, которая присуща цифровым технологиям, нивелирует способности традиционных институтов, либо государства оперативно на них реагировать. Вероятно, это изменится в будущем, но на отрезке последних нескольких десятилетий это было именно так. Более того, российское правительство оценило преимущества цифровой экономики именно для нашей страны, обозначив это направление как приоритетное.

Может сложиться мнение, что цифровой капитализм — это нечто исключительно связанное с культурой и потреблением. Однако эта точка зрения не отражает действительности. Ник Срничек пишет о фундаментальных последствиях возраста-

ния конкуренции: «Если производство обходится чересчур дорого, товары никто не будет покупать и такому бизнесу скоро придёт конец. В конце концов обобщённая зависимость от рынка привела к системному императиву: снизить себестоимость производства по отношению к цене товара. Этого можно добиться разными способами; самые действенные — найти эффективные технологии и методы в организации труда, специализации и борьбе с конкурентами» [13, с. 15]. Цифровой капитализм решает все из вышеперечисленных задач лучше любой другой формы организации производства. Промышленный интернет уже давно стал реальностью: «На самом базовом уровне промышленный интернет означает встраивание сенсоров и компьютерных чипов в производственные процессы и треке-ров <...> — в логистические процессы, и все это связывается в единую сеть посредством интернета» [13, с. 60].

Цифровизация производства характерна и для России. С одной стороны, преодолевается родовая травма российской экономики, заключающаяся в неразвитости инфраструктуры и больших вложениях на её поддержание. Многие центры производства разнесены с интеллектуальными центрами. Цифровой капитализм, снижая временные и финансовые издержки на передачу информации, преодолевает эту проблему. Математические расчёты движения буровых установок в Западной Сибири производятся в режиме онлайн в дата-центрах в центральном регионе, где обучаются и проживают специалисты, способные создавать управляющие программы. В сущности, в социально-философской мысли России мимо прошло то, насколько быстро цифровизовалась экономика России за последние десятилетия. Ни одна другая волна экономической модернизации не проходила также быстро и эффективно.

Помимо промышленности меняется и повседневность. Масштаб использования россиянами цифровых технологий поражает. Во многом их внедрение опережает развитые страны, у которых было временное преимущество во вступлении в цифровую эру. Проникновение чатов и одно из самых больших в мире распространение видеорегистраторов требуют своего объяснения. Почему культура, часто понимаемая как консервативная, не стала сопротивляться техническим нововведениям? Отдельным кейсом, который было бы невероятно интересно рассмотреть в будущем, является сокращение оборота наличных денег и переход на цифровые системы оплаты. Материальные носители денежных знаков не являются чистой формальностью, а отражают глубокую уверенность культуры в сущностной природе денег. Во многих западноевропейских странах с развитой экономикой цифровизация повседневных практик и сокращение бумажного оборота наталкивается на культурное противодействие со стороны населения и, фактически, стагнирует. Феноменальную предрасположенность российского цивилизационного проекта к внедрению практик цифровизации только предстоит описать. В конечном итоге для этого может потребоваться пересмотр нашего традиционного мышления о русской культуре.

5. Заключение. В нашем рассмотрении мы руководствовались несколькими основными задачами. Указание на компаративистскую природу мышления о цивилизационном проекте приводит нас к мысли, что возможны не только сугубо «исто-

рические» сравнения. Одной из продуктивных стратегий понимания, предшествующего прогнозу и проекту, будет помещение исследуемого предмета в глобальный контекст. Современность сама предполагает мышление в категориях завершающейся глобализации. Вероятно, для «взятия в скобки» какого-либо феномена требуется отдельное обоснование. В случае с российским цивилизационным проектом нет никаких препятствий для того, чтобы рассматривать его в контексте глобализованного экономического пространства. Ведущей и наиболее динамичной силой здесь выступает цифровой капитализм.

Обращаясь к феномену цифрового капитализма, мы показали, что он вписывается в общую логику модернизационных стратегий. Капиталистическая логика исторически продвигала модернизацию по западноевропейскому варианту. Однако каждая из стран вносила свои культурно-обусловленные коррективы в эти процессы. В случае с цифровым капитализмом сложно вычленив наиболее конкретные из них, поскольку его качественным признаком является динамика количественного распространения. В сущности, количественная эффективность, повышающая конкурентность и снижающая издержки, слишком проста для того, чтобы вносить в них качественные инновации. По меньшей мере, стратегия их артикуляции будет менее эффективной в условиях, когда в социальной теории не решены первоочередные вопросы.

В контексте российского цивилизационного проекта главным из таких вопросов станет понимание того, почему — в отличие от остальных модернизационных волн — цифровой капитализм так быстро встроился в пространство российской экономической жизни и русской культуры. Что именно в нашей культуре создало столь плодотворную почву для феномена? На данный момент мы не можем полноценно ответить на эти вопросы, но некоторые промежуточные выводы сделать можно уже сейчас. Вероятно, отсутствие сформировавшихся капиталистических институтов сыграло на пользу внедрению цифровых практик. В постсоветской институциональной пустыне новая цифровая эффективность взаимодействий оказалась рациональнее и комфортнее старой.

Вдобавок сами цифровые практики, похоже, менее требовательны к институциональной среде. Японский исследователь Кумико Сато, анализируя феномен технологической продвинутости Японии, замечает, что новые цифровые технологии прекрасно вписались в древнюю культуру страны: «... компьютеры не отличаются от синтоизма, например, потому что беспроводная передача данных эквивалентна духовной коммуникации» [31, р. 352]. Одной из задач современной российской социальной философии, стремящейся понять то, как может и должен быть выстроен российский цивилизационный проект, будет стремление найти подобные точки и в русской культуре. Культурные предпосылки во многом определяют успешность реализации модернизации. Но, уже имея наличный феномен, его анализ может пролить свет на те стороны русской культуры, которые мы не замечаем или считаем недостаточно важными.

Библиографический список

1. Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 400 с.
2. Hassan R. The Condition of Digitally: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: University of Westminster Press, 2020. 212 p. ISBN 9781912656684.
3. Jovanović M. N. Is Globalisation Taking Us for a Ride? // Journal of Economic Integration. 2010. Vol. 25, Issue 3. P. 501 – 549.
4. Шевченко В. Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России // Век глобализации. 2018. № 3. С. 106 – 119. DOI: 10.30884/vglob/2018.03.10.
5. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО Садра: Издат. дом ЯСК, 2019. 216 с. ISBN 9785907041240.
6. Mandel E. Der Spätkapitalismus. Versuch einer marxistischen Erklärung. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1972. 541 s. ISBN 9783518105214.
7. Mandel E. Late Capitalism. London: NLB Atlantic Highlands Humanities Press, 1975. 621 p. ISBN 0902308076.
8. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с. ISBN 9785932555422.
9. Павлов А. В. Странная жизнь постмодернизма // Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон: пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. С. 7 – 53. ISBN 9785932555422.
10. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge: The MIT Press, 1999. 320 p. ISBN 9780262194174.
11. Сафронов Э. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. 2019. Т. 29, № 3. С. 279 – 289.
12. Weiss A. Review: Digital Capitalism: Networking the Global Market System by Dan Schiller // Enterprise & Society. 2000. Vol. 1, Issue 1. P. 224 – 226.
13. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с. ISBN 9781509504909; 9785759817864.
14. Чубаров И., Сеченова Е. Левая критика в эпоху платформенного капитализма // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 275 – 308. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-275-304.
15. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29, № 6. С. 85 – 116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114.
16. Лепский В. Е. Системные основания перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // Проблемы цивилизационного развития. 2019. Т. 1, № 1. С. 33 – 48. DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-33-48.
17. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Magun_Rudnev_Bazovye.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
18. Федотова В. Г. Концепции культурных и социальных поворотов и их эвристические возможности // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 3. С. 32 – 43. DOI 10.17805/zpu.2019.3.3.
19. Павлов А. В. Параллаксы лисы: к определению предмета и границ социальной философии // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 149 – 172. DOI: 10.17323/1728-192x-2018-3-149-172.
20. Федотова В. Г. Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 139 – 147.
21. Канарш Г. Ю. Справедливость, демократия и капитализм: пути модернизации в России в XXI веке. М.: URSS, 2020. 304 с. ISBN 9785971070504.
22. Канарш Г. Ю. Труд и экономическая культура в контексте российской модернизации // Философские науки. 2015. № 10. С. 9 – 22.

23. Kivinen M., Cox T. Russian Modernisation: Structures and Agencies. UK: Routledge. 2018. 210 p. ISBN 9780367321826; 9781138298835.

24. Lankina T. Unbroken Links? From Imperial Human Capital to Post-Communist Modernisation // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, Issue 4. P. 623–643. DOI 10.1080/09668136.2012.675666.

25. Кантор В. К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). М.: РОССПЭН, 2011. 608 с. ISBN 9785824316162.

26. Коваль Т. Православная этика труда // *Мир России*. 1994. № 3. С. 54–96.

27. Hinderink J. La géographie le sous-développement et la modernisation // *Revue Tiers Monde*. 1975. No. 62. P. 267–293.

28. Канарш Г. Ю. Справедливость, демократия и капитализм: пути модернизации в России в XXI веке. М.: URSS, 2020. 304 с. ISBN 9785971070504.

29. Fuchs C., Seignani S. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? // *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2013. Vol. 11, no. 2. P. 237–293. DOI: 10.31269/triplec.v11i2.461.

30. Jenkins H. *Textual Poachers. Television Fans and Participatory Culture*. London, NY: Routledge. 1992. 352 p. ISBN 0415905729; 9780415905725.

31. Sato K. How Information Technology Has (Not) Changed Feminism and Japanism: Cyberpunk in the Japanese Context // *Comparative Literature Studies*. 2004. Vol. 41, no. 3. P. 335–355.

АФАНАСОВ Николай Борисович, младший научный сотрудник сектора социальной философии.

SPIN-код: 4411-2080

AuthorID (РИНЦ): 857720

Адрес для переписки: n.afanasov@gmail.com

Для цитирования

Афанасов Н. Б. Российский цивилизационный проект перед лицом цифрового капитализма // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5, № 2. С. 116–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-116-123.

Статья поступила в редакцию 23.03.2020 г.

© Н. Б. Афанасов

UDC 101.1:316.722

DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-116-123

N. B. AFANASOV

**Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia**

RUSSIAN CIVILIZATIONAL PROJECT FACING DIGITAL CAPITALISM

The article offers a point of view on the Russian civilizational project from the perspective of comparing the national features of Russia's development and the global expansion of digital capitalism. The author places the Russian civilizational project in the context of processes that will inevitably have — and already have — the impact on modern Russian society and economy. Digital capitalism is as relevant a phenomenon for Russia as it is for any other modern country. The global context and modernization are inextricably linked. But when we talk about modernization, even in the most general way, we cannot exclude the national peculiarities of its implementation, which say a lot about the country itself and its culture. In the context of the Russian civilizational project, the main issue will be to understand why, unlike other modernizing waves, digital capitalism has so quickly become embedded in the space of Russian economic life and Russian culture. What exactly in our culture created such a fertile ground for the phenomenon? It is likely that the absence of established capitalist institutions played a role in the introduction of digital practices. But, as in every culture, there is also something special about Russian culture that accelerates the integration of society into the reality of digital capitalism.

Keywords: social philosophy, social theory, Russia, capitalism, digital capitalism, Russian civilizational project, modernization, culture.

References

1. Montesquieu Ch. *Persidskie pis'ma* [Les lettres persanes]. Moscow, 1956. 400 p. (In Russ.).

2. Hassan R. *The Condition of Digitally: A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press, 2020. 212 p. ISBN 9781912656684. (In Engl.).

3. Jovanović M. N. Is Globalisation Taking Us for a Ride? // *Journal of Economic Integration*. 2010. Vol. 25, Issue 3. P. 501–549. (In Engl.).

4. Shevchenko V. N. *Vozvrashchenie Kitaya na natsional'nyy put' razvitiya v epokhy globalizatsii: znachimost' i vyvody dlya Rossii* [China's return to the national way of development in the era of globalization: significance and conclusions for Russia] //

- Vek globalizatsii. *Age of Globalization*. 2018. No. 3. P. 106–119. DOI: 10.30884/vglob/2018.03.10. (In Russ.).
5. Smirnov A. V. Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe [All-Human Vs. Common-Human]. Moscow, 2019. 216 p. ISBN 9785907041240. (In Russ.).
6. Mandel E. Der Spätkapitalismus. Versuch einer marxistischen Erklärung. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1972. 541 s. ISBN 9783518105214. (In Germ.).
7. Mandel E. Late Capitalism. London: NLB Atlantic Highlands Humanities Press, 1975. 621 p. ISBN 0902308076. (In Engl.).
8. Jameson F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism] / Trans. from Engl. D. Kralechkin. Moscow, 2019. 808 p. ISBN 9785932555422. (In Russ.).
9. Pavlov A. V. Strannaya zhizn' postmodernizma [The strange life of postmodernism] // Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or Cultural Logic of Late Capitalism] / Trans. from Engl. D. Kralechkin. Moscow, 2019. P. 7–53. ISBN 9785932555422. (In Russ.).
10. Schiller D. Digital Capitalism: Networking the Global Market System. Cambridge: The MIT Press, 1999. 320 p. ISBN 9780262194174. (In Engl.).
11. Saffronov E. Kak akseleratsionizm prevratilsya v platformennyj kapitalizm [How Accelerationism Became Platform Capitalism] // Logos. *Logos*. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 279–289. (In Russ.).
12. Weiss A. Review: Digital Capitalism: Networking the Global Market System by Dan Schiller // *Enterprise & Society*. 2000. Vol. 1, Issue 1. P. 224–226. (In Engl.).
13. Srnicek N. Kapitalizm platform [Platform capitalism]. Moscow, 2019. 128 p. ISBN 9781509504909; 9785759817864. (In Russ.).
14. Tchubarov I., Sechenova E. Levaya kritika v epokhy platformennogo kapitalizma [Leftist criticism in the era of platform capitalism] // Logos. *Logos*. 2019. Vol. 29, no. 6. P. 275–308. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-275-304. (In Russ.).
15. Dean J. Kommuniyam ili neofeodalizm? [Communism or Neo-Feodalism?] // Logos. *Logos*. 2019. Vol. 29, no. 6. P. 85–116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (In Russ.).
16. Lepsky V. E. Sistemnye osnovaniya perekhoda ot tekhnogennoy tsivilizatsii k sotsiogumanitarnoy tsivilizatsii [System Bases for Transition from Technogenic Civilization to Socio-Humanitarian] // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya. *Civilizational Studies Review*. 2019. Vol. 1, no. 1. P. 33–48. DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-33-48. (In Russ.).
17. Magun V. S., Rudnev M. G. Bazovye tsennosti possiyan i drugikh evropeytsev (po materialam oprosov 2008 goda) [Basic Values of Russians and Other Europeans (on the materials of 2008 year enquetes)] // Ekelektronnaya biblioteka. *Grazhdanskoe obschestvo v Rossii. Ekelektronnaya biblioteka. Grazhdanskoe obschestvo v Rossii*. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Magun_Rudnev_Bazovye.pdf (accessed: 12.02.2020). (In Russ.).
18. Fedotova V. G. Kontseptsii kul'turnykh i sotsialnykh povorotov i ikh evristicheskiye vozmozhnosto [Concepts of Cultural and Social Turns and Their Heuristic Opportunities] // Znanie. Ponimanie. Umenie. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2019. No. 3. P. 32–43. DOI 10.17805/zpu.2019.3.3. (In Russ.).
19. Pavlov A. V. Parallaksy lisy: k opredeleniyu predmeta i granits sotsial'noy filosofii [The Parallaxes of Fox: Towards Definition of Subject and Status of Social Philosophy] // Sotsiologicheskoe obozrenie. *Russian Sociological Review*. 2018. Vol. 17, no. 3. P. 149–172. DOI: 10.17323/1728-192x-2018-3-149-172. (In Russ.).
20. Fedotova V. G. Modernizatsiya i kul'tura [Modernization and Culture] // Znanie. Ponimanie. Umenie. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012. No. 4. P. 139–147. (In Russ.).
21. Kanarsh G. Yu. Spravedlivost', demokratiya i kapitalizm: pyti modernizatsii v Rossii v XXI veke [Justice, Democracy and Capitalism: The Ways of Russian Modernisation in XXst Century]. Moscow, 2020. 304 p. ISBN 9785971070504. (In Russ.).
22. Kanarsh G. Yu. Trud i ekonomicheskaya kul'tura v kontekste possiyskoj modernizatsii [Labor and Economic Culture in Context of Russia's Modernization] // Filosofskie nauki. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2015. No. 10. P. 9–22. (In Russ.).
23. Kivinen M., Cox T. Russian Modernisation: Structures and Agencies. UK: Routledge. 2018. 210 p. ISBN 9780367321826; 9781138298835. (In Engl.).
24. Lankina T. Unbroken Links? From Imperial Human Capital to Post-Communist Modernisation // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, Issue 4. P. 623–643. DOI 10.1080/09668136.2012.675666. (In Engl.).
25. Kantor V. K. «Krushenie kumirov», ili Odolenie soblaznov (stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii) [«The Downfall of Idols», or Surpassing of Temptations (The Formation of Philosophical Space in Russia)]. Moscow, 2011. 608 p. ISBN 9785824316162. (In Russ.).
26. Koval T. Pravoslavnaya etika truda [Orthodox Ethics of Labor] // *Mir Rossii*. 1994. No. 3. P. 54–96. (In Russ.).
27. Hinderink J. La géographie le sous-développement et la modernisation // *Revue Tiers Monde*. 1975. No. 62. P. 267–293. (In French).
28. Kanarsh G. Yu. Spravedlivost', demokratiya i kapitalizm: puti modernizatsii v Rossii v XXI veke [Justice, Democracy and Capitalism: Ways of Modernization in Russia in 21st Century]. Moscow, 2020. P. 304 p. ISBN 9785971070504. (In Russ.).
29. Fuchs C., Sevignani S. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? // *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 2013. Vol. 11, no. 2. P. 237–293. DOI: 10.31269/triplec.v11i2.461. (In Engl.).
30. Jenkins H. Textual Poachers. Television Fans and Participatory Culture. London, NY: Routledge. 1992. 352 p. ISBN 0415905729; 9780415905725. (In Engl.).
31. Sato K. How Information Technology Has (Not) Changed Feminism and Japanism: Cyberpunk in the Japanese Context // *Comparative Literature Studies*. 2004. Vol. 41, no. 3. P. 335–355. (In Engl.).

AFANASOV Nikolai Borisovich, Junior Researcher,
Department of Social Philosophy.
SPIN-code: 4411-2080
AuthorID (RSCI): 857720
Address for correspondence: n.afanasov@gmail.com

For citations

Afanasov N. B. Russian civilizational project facing digital capitalism // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 116–123. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-116-123.

Received March 23, 2020.
© N. B. Afanasov